
В. Дашичев

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПЛАНЫ АГРЕССИИ ПРОТИВ СССР

На рассвете 22 июня 1941 г. германские войска обрушили удар колоссальной силы против Советского Союза. После захвата почти всех континентальных стран Западной Европы и их ресурсов гитлеровское командование приступило к главному и решающему этапу борьбы за установление полного господства нацистской Германии в Европе.

Проблема нейтрализации Великобритании и полет Р. Гесса

В мае – июне 1940 г. гитлеровский генштаб оказался не в состоянии вывести из войны Англию и решить центральную стратегическую проблему – устранить опасность ведения войны на два фронта. Поэтому после разгрома Франции руководство Германии оказалось перед дилеммой: сосредоточить ли еще до нападения на СССР усилия на нейтрализации Англии, чтобы до конца избавиться от всякой опасности с тыла в предстоявшем походе на Восток, или же обрушить новый удар на Советский Союз. Для разрешения этой дилеммы германскому командованию пришлось взвесить целый ряд политических, экономических и военно-стратегических факторов. В первую очередь надо было установить:

- в состоянии ли вермахт осуществить быстрый военный разгром Англии, и если нет, то каковы возможности для сокрушения Советского Союза в стиле блицкрига;
- какую позицию займут в этом случае Соединенные Штаты и как скоро они смогут развернуть военный потенциал и активно вмешаться в войну на европейском континенте;

Вячеслав Иванович Дашичев – участник Великой Отечественной войны, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН (г. Москва).

- каковы возможности и условия использования «японского фактора» для совместной борьбы против Советского Союза и отвлечения сил Англии и США от европейского континента;
- на каких военных союзников в Европе можно рассчитывать в войне против СССР.

Поиски выхода из создавшегося стратегического положения породили определенные колебания в военном руководстве вермахта. Первое время оно стало серьезно готовиться к десантной операции против Англии. Но с самого начала германский генералитет испытывал в связи с этим немалые сомнения. Больше всего нацистские стратеги, имея в перспективе поход на Восток, опасались из-за слабости Германии на море понести крупные материальные и людские потери, а также утратить стратегическую инициативу в результате возможных осложнений и неудач при осуществлении высадки.

За каких-нибудь полтора месяца, оставшихся до нападения на Советский Союз, весь мир был потрясен сенсацией: 10 мая в Англии, вблизи фамильного замка лорда Гамильтона, приземлился на парашюте помощник А. Гитлера по партии Р. Гесс. Что бы это могло означать? Предприняло ли нацистское руководство последнюю отчаянную попытку договориться перед походом на Восток о перемирии с Лондоном, чтобы обезопасить свой тыл? Или даже вовлечь Англию в борьбу против ненавистного большевизма? Совершил ли Р. Гесс полет в Англию на собственный страх и риск или с ведома и по поручению А. Гитлера? О чем шла речь на секретных переговорах Р. Гесса с англичанами? Какие результаты они принесли? До сих пор это остается до конца неразгаданной тайной.

Летом 1990 г. волею судьбы мне пришлось соприкоснуться – на этот раз совершенно неожиданным образом – с одной из наиболее интригующих и неразгаданных тайн Второй мировой войны. Это было в Кёльне, где я участвовал в советско-западногерманском семинаре. Мне позвонили по телефону. Голос в трубке сказал: «С вами говорит сын Рудольфа Гесса – Вольф Рюдигер Гесс. Мне очень хотелось бы повидаться с Вами и передать информацию, которая может пролить новый свет на полет моего отца в Англию. Я готов приехать в Кёльн вместе с адвокатом отца на Нюрнбергском процессе Альфредом Зайдлем в удобное для вас время».

Когда я услышал эти слова, у меня дух перехватило. Ведь сколько бумаги было исписано историками и журналистами о загадочном полете Р. Гесса! Сколько версий с ним связано! А ясности в этом деле так и не удалось достигнуть. Неужели В. Гесс, наконец, приподнимет завесу над тайной полувековой давности? Тот факт, что он выбрал именно меня для такой беседы, объяснялся, очевидно, тем, что в политических и научных кругах ФРГ было известно, что я занимал в период реформ советской системы при М. Горбачеве пост предсе-

дателя Научно-консультативного совета при МИДе. В. Гесс мог надеяться, что я сыграю определенную роль в переоценке целей и значения миссии его отца в Англии.

На следующий день состоялась наша встреча. В. Гесс приехал вместе с А. Зайдлем в Кёльн из Мюнхена. По его мнению, в исторической литературе и публицистике сложилась неверная трактовка «миссии Гесса» в Англию в 1941 г. Она обычно изображается как попытка заключить с англичанами мир, чтобы обеспечить тыл Германии для нападения на Советский Союз и избежать войны на два фронта. На самом же деле «миссия Гесса», мол, не носила антисоветского характера, а преследовала далеко идущие миротворческие цели – покончить вообще с войной и заключить всеобщий мир.

Правда, выведать у отца истинную подоплеку его загадочного полета оказалось для В. Гесса не так просто. На всех его свиданиях с отцом в тюрьме Шпандау присутствовали представители охраны четырех держав, фиксировавшие каждое слово их разговора. У В. Гесса сложилось впечатление, что отец чего-то боялся и всячески избегал затрагивать щекотливую тему. Тогда сыну пришла в голову мысль тайно передать отцу записку с обращенными к нему вопросами. Ее копию он показал мне. Записка была написана в Гrefельфинге 27 марта 1984 г. и незаметно для охраны передана Р. Гессу в камеру французским тюремным священником Ш. Габелем, а затем возвращена им В. Гессу с пометками его отца. Вот ее содержание:

«В связи с моей книгой, известной тебе под названием «Мой отец Рудольф Гесс», и в связи с твоей идеей о заявлении для прессы к 90-летию имеют значение два вопроса:

Первое. Можно ли исходить из того, что если бы твой полет мира в Великобританию 10 мая 1941 г. увенчался бы успехом в принципе, т.е. если бы Черчилль объявил, например, о готовности к созыву всеобщей мирной конференции, то немецкое нападение на Советский Союз 22 июня 1941 г. не состоялось бы и тем самым была бы прекращена Вторая мировая война со всеми ее кровопролитиями и опустошениями?

Второе. Можно ли, по меньшей мере, исходить из того, что после успешного возвращения из Великобритании ты полностью использовал бы в то время очень большой престиж для осуществления политики, обозначенной в пункте 1? Пожалуйста, дай мне на этом листе твой комментарий».

На первый вопрос Р. Гесс ответил: «Само собой разумеется. Наверняка». На второй – аналогично: «Наверняка. Само собой разумеется. Большого об этом сказать не могу». В конце листа Р. Гесс приписал: «Все ответы содержатся уже в твоих вопросах». Эти пометки он сделал в присутствии священника Ш. Габеля.

По мнению В. Гесса, эта записка подтверждала версию, согласно которой миссия его отца состояла в том, чтобы положить конец

Второй мировой войне путем созыва мирной конференции, но английское правительство не отреагировало на эти предложения. Не желая выглядеть в глазах общественности противницей установления мира в Европе в канун нападения Германии на Советский Союз, английская сторона, по убеждению В. Гесса, до сего времени тщательно скрывает документы, связанные с переговорами его отца в Англии в мае 1941 г. и в последующее время. В. Гесс видел именно в этом причину того, что доступ к ним будет открыт лишь после 2017 г. Больше того, он считал, что англичане, в последние годы, опасаясь освобождения Р. Гесса из тюрьмы и обнародования им нежелательных для английской политики фактов, постарались убрать «узника Шпандау», инсценировав его самоубийство в августе 1987 г. Об этом В. Гесс написал в своей книге «Убийство Рудольфа Гесса».

Откровенно говоря, записка В. Гесса меня не убедила, особенно если учесть весьма тенденциозно (если не сказать большего) сформулированные вопросы. Можно ли поверить, что полетом в Англию его отец преследовал миротворческие цели? Действительно ли он стремился в последний момент положить конец дальнейшему расширению войны и ее превращению в мировую? Хотел ли он предотвратить нападение А. Гитлера на Советский Союз? Насколько реален был созыв в то время мирной конференции всех держав, включая СССР?

Чтобы ответить на эти вопросы, вспомним, в какой обстановке в мае 1941 г. был совершен полет Р. Гесса в Англию. Сжатая до предела пружина военной машины Германии распрямилась лишь на одну треть. Но и этого было достаточно, чтобы разгромить, прежде всего, Польшу и Францию и установить германское господство фактически над всей континентальной Европой, исключая Советский Союз. К 10 мая 1941 г., когда Р. Гесс тайно вылетел в Англию, немецкий вермахт уже изготовился для очередного удара – на этот раз по СССР. Ради этого тщательно готовились немецкий тыл (устранение Франции) и стратегические фланги (подчинение Балкан и Скандинавии). А. Гитлер и его окружение были твердо уверены в быстрой победе над этим «колоссом на глиняных ногах». После сталинских репрессий, которым подверглись лучшие военные кадры страны, после советско-финской войны, выявившей низкую боеспособность Красной Армии, у него были для подобных сравнений веские основания. Мог ли германский рейхсканцлер отказаться от прежних завоеваний и от заманчивых перспектив плана «Барбаросса»?

Думаю, что А. Гитлер не был бы Гитлером, если пошел бы на это. Даже накануне нападения на Польшу и развязывания Второй мировой войны он в одном из выступлений перед генералами выразил опасение, как бы «какая-нибудь каналья» в последний момент не выступила с мирными предложениями и не помешала бы ему бросить вермахт в бой. А тут, после головокружительных военных успехов,

в роли такой «канальи» выступает сам Р. Гесс, заместитель фюрера по партии! В мае 1941 г. А. Гитлер в лучшем случае мог согласиться на сделку с Англией, если она признала бы господствующее положение Германии в Европе и полностью высвободила ее тыл для войны против СССР. В. Гесс говорил мне, что накануне полета его отец 4 часа разговаривал с А. Гитлером. Однако о содержании беседы ничего не известно. Но надо полагать, что свой полет Р. Гесс совершил с ведома А. Гитлера, хотя 13 мая последний обвинил своего заместителя в измене и бегстве перед самым решающим моментом в истории Германской империи – нападением на Советский Союз. Анализируя логику поведения и замыслы ставки фюрера можно прийти к выводу, что ни объективно, ни субъективно тогдашнее руководство Германии не пошло бы по своей воле на созыв мирной конференции и прекращение войны.

Ну а что можно сказать о позиции английского правительства, лично У. Черчилля? В Лондоне прекрасно сознавали, что с Германией А. Гитлера у Англии не может быть более никаких сделок. Об этом достаточно убедительно говорил печальный пример Мюнхенского соглашения. У. Черчилль был настроен вести войну во имя сокрушения германской державы бескомпромиссно, до конца, и если вынудит обстановка, даже из колоний. Он воспринимал А. Гитлера и его тоталитарный режим как смертельную опасность для Англии и не сомневался в том, что в противостоянии нацистской экспансии рано или поздно возникнет коалиция, которая объединит Великобританию, США, Советский Союз и другие государства. В мае 1941 г. У. Черчилль уже располагал точными данными о готовившемся ударе вермахта по Советскому Союзу и даже сигнализировал об этом И. Сталину. Дать А. Гитлеру свободу рук на Востоке, чтобы оказаться затем в положении его очередной жертвы? У. Черчилль пойти на это не мог. Следовательно, и в Англии миссия Р. Гесса была обречена на провал.

Разгадка тайны Р. Гесса еще впереди, когда историки получат доступ к документам, раскрывающим содержание его переговоров в Англии. Но все же можно считать, что главной целью его миссии было нейтрализовать Англию на период войны против Советского Союза. Об этом указывает в книге «Мирная ловушка Черчилля» официальный историограф английского МИД А. Мартин. Он писал, что У. Черчилль, желая ввести немцев в заблуждение, дал им понять, что он якобы заинтересован в переговорах с германскими представителями и в примирении с Германией. На самом деле он, как дальновидный политик, отлично сознавал, что А. Гитлеру нельзя предоставлять свободный тыл на Западе, чтобы позволить без труда разгромить Советский Союз. Он нисколько не сомневался, что после выполнения этой задачи А. Гитлер повернет против Англии. В этом смысле У. Черчилль был намного мудрее и дальновиднее И. Сталина.

Международная обстановка в середине 1940 – начале 1941 гг.

Независимо от активно проводившегося по многим каналам мирного зондажа возможности заключения соглашений с Англией германское руководство приняло в середине 1940 г. твердое решение о нападении на Советский Союз. «Если Россия будет разгромлена, – говорил А. Гитлер на совещании в ставке 31 июля 1940 г., – Англия потеряет последнюю надежду. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия. Вывод: в соответствии с этим рассуждением Россия должна быть ликвидирована»¹. Нападение на СССР, по расчетам нацистских стратегов, сулило успех только в том случае, если удалось бы молниеносно разгромить Красную Армию еще до того, как Англия, а также, как можно было предполагать, США развернут широкие действия против Германии.

Поэтому оценка возможной линии стратегического поведения англосаксонских держав приобретала для руководства вермахта особый смысл. Оно не могло не заметить, как на протяжении второй половины 1940 и первой половины 1941 гг. политика США в отношении Англии эволюционировала от дружественного нейтралитета к позиции «невоюющего союзника». После переизбрания президента Ф. Рузвельта в ноябре 1940 г. на третий срок американское правительство, преодолевая сопротивление изоляционистов внутри страны, стало открыто проводить внешнюю политику под девизом: «Спасем Америку, помогая Великобритании».

В принятом 27 марта 1941 г. англо-американском соглашении были заложены основы совместной глобальной стратегии США и Англии в войне против Германии и Японии². Характерно, что в них Советскому Союзу не отводилось никакой роли, хотя госдепартамент еще в январе 1941 г. получил первые данные о готовившемся походе вермахта на Восток, а в последующем эти данные были подтверждены. Такая позиция США и Англии объяснялась не только инерцией их антисоветской политики, но и очень низкой оценкой с их стороны военной мощи Советского Союза. 14 июня Объединенный разведывательный комитет (в составе Кабинета министров Великобритании. – *Прим. ред.*) сделал вывод, что Германии потребуется самое большее шесть недель, чтобы взять Москву³.

Как же оценивало «фактор США» в преддверии нападения на Советский Союз германское руководство? Оно, бесспорно, учитывало очевидную возможность столкновения с Соединенными Штатами, однако

¹ Цит. по: *Гальдер Ф.* Военный дневник. М., 1969. Т. 2. С. 80.

² *Hull C.* The Memoirs. N-Y. 1948. Vol. II. P. 967; *Dowson K.* The Decision to Aid Russia 1941. Chapel Hill. 1956. P. 46.

³ *Woodward L.* British Foreign Policy in the Second World War. London. 1962. P. 150; *Батлер Дж.* Большая стратегия. Сентябрь 1939 – июнь 1941. М., 1959. С. 497.

полагало, что это произойдет не ранее 1942 г. 30 марта 1941 г. на совещании в ставке А. Гитлер заявил, что максимального уровня производства США достигнут лишь через четыре года. Такой срок нацистские стратеги считали вполне достаточным, чтобы не только сокрушить Советский Союз, но и подготовиться к глобальной схватке с англосаксами.

Что касается Англии, то она, по оценке германского командования, на ближайшее время после нападения на СССР не будет сколько-нибудь существенной помехой для Германии. Однако в перспективе, и весьма недалекой, она могла стать большой угрозой для стратегических позиций Германии в Западной и Южной Европе. Это ставило германское руководство перед необходимостью провести военную кампанию против Советского Союза в минимальные сроки.

В таких условиях чрезвычайно важное значение для Германии приобретала координация стратегических действий с ее союзниками – Японией и Италией. Это было главной целью заключенного 27 сентября 1940 г. Тройственного пакта. Германская дипломатия предпринимала энергичные усилия, чтобы втянуть Японию в активные действия в Юго-Восточной Азии и создать в ее лице противовес Англии и США. Кроме того, нацистское руководство рассчитывало получить от нее поддержку в войне против Советского Союза, в том числе в форме вооруженного выступления на Дальнем Востоке. Эти соображения легли в основу директивы верховного главнокомандования (ОКВ) №24 от 5 марта 1941 г. У германского руководства существовали определенные надежды, что быстрый разгром Советского Союза наряду с активным выступлением Японии на стороне Германии настолько изменит расстановку сил на мировой арене в пользу Тройственного пакта, что вынудит Соединенные Штаты остаться в стороне от войны⁴.

Стремление германской дипломатии втянуть Японию в войну против СССР не увенчалось успехом. Японские правящие круги предпочитали не обострять отношений с Советским Союзом, чтобы иметь возможность развивать экспансию в сторону южных морей. С этой целью 13 апреля 1941 г. они пошли на заключение с СССР пакта о нейтралитете, рассчитывая отказаться от него, как только это станет выгодным для Японии.

Нацистская дипломатия проявила большие усилия, чтобы втянуть в Тройственный пакт европейские страны: Румынию, Финляндию, Венгрию и Болгарию. В этом она добилась крупных успехов. Кроме того, Германия искала сближения с Турцией на антисоветской почве. 18 июня 1941 г. был подписан германо-турецкий пакт о дружбе и ненападении. А. Гитлер стремился придать войне против СССР характер «крестового похода» и полностью подчинить ресурсы и политику союзников достижению собственных стратегических целей.

⁴ Гальдер Ф. Указ. соч. С. 80; КТВ ОКВ. Bd. I. S. 257.

В Западной Европе германское руководство не видело на ближайшее время серьезной угрозы для себя. Франция – этот традиционный геополитический и военный противовес Германии на европейской арене – была повержена. На случай возможных осложнений на Западе предусматривалось ввести в действие план «Аттила», предполагавший оккупацию вишистской части Франции. Скандинавия и Балканы находились под пятой «оси». Испания и Турция занимали позиции дружественного по отношению к Германии нейтралитета.

В целом руководство Германии оценивало глобальную и европейскую политическую ситуацию как исключительно выгодную для войны против СССР. «Ныне, – говорил А. Гитлер на совещании генералитета 30 марта 1941 г., – существует возможность разбить Россию, имея свободный тыл. Эта возможность так скоро не появится вновь. Я был бы преступником перед немецким народом, если не воспользовался бы этим»⁵.

Подобные политико-стратегические расчеты, зыбкие и авантюристичные в своей основе, исходили из главной порочной предпосылки – неверной оценки политической прочности и военно-экономического могущества Советского Союза и стойкости русского народа. Главнокомандующий сухопутными войсками В. фон Браунхич, например, так рисовал перед генералами на совещании 30 апреля 1941 г. картину военных действий на Восточном фронте: «Предположительно крупные приграничные сражения, продолжительностью до 4 недель. В дальнейшем следует ожидать лишь незначительного сопротивления»⁶. Предвзятость оказала роковое воздействие на военное руководство Германии, лишив его возможности трезво учитывать совокупность основных факторов и условий ведения войны.

Исходя из оценки общего стратегического положения и сил советского государства, германское руководство положило в основу планирования войны против СССР требование максимально быстрого, молниеносного разгрома его вооруженных сил, до того как Англия и Соединенные Штаты сумеют прийти ему на помощь.

Придавая фактору времени большое значение, А. Гитлер в июле 1940 г. настаивал на нападении на Советский Союз осенью этого же года. Однако В. Кейтель и А. Йодль сочли этот срок совершенно нереальным, ввиду неподготовленности вооруженных сил, районов сосредоточения и развертывания войск.

⁵ Цит. по: *Gaszony P.* Über die Vorgeschichte des deutschen Angriffs auf die Sowjetunion im Juni 1941 // *Allgemeine schweizerische Zeitschrift.* 1966. Nr. 7. S. 400.

⁶ *Ublig H.* Das Einwirken Hitlers auf die Planung und Führung des Ostfeldzuges // *Aus Politik und Zeitgeschichte.* 1960. 16 März. S. 166.

Как разрабатывался план нападения на СССР

22 июля В. фон Браухич после совещания у А. Гитлера дал указания генеральному штабу сухопутных войск начать разработку плана нападения на Советский Союз. По заданию Ф. Гальдера начальник отдела иностранных армий Востока полковник Кинцель занялся исследованием наиболее целесообразных направлений главных ударов с учетом характера и численности группировки советских войск. Он пришел к выводу, что наступление следует вести в направлении Москвы с севера, примыкая к побережью Балтийского моря, чтобы затем, осуществив громадный стратегический охват на юг, заставить советские войска на Украине сражаться с перевернутым фронтом⁷.

Еще ранее, в конце июля, начальнику штаба перебрасывавшейся на Восток 18-й армии генерал-майору Э. Марксу было поручено разработать оперативно-стратегический план военной кампании против Советского Союза. 5 августа он представил Ф. Гальдеру законченную оперативно-стратегическую разработку – «План Фриц». В ней намечались два основных направления – московское и киевское: «Главный удар сухопутных сил должен быть нанесен из Северной Польши и Восточной Пруссии на Москву». Когда с идеями Э. Маркса ознакомили немецкого военного атташе в Советском Союзе генерала Э. Кестринга, он выразил несогласие с тем, что взятие Москвы будет иметь решающее значение для победы над Красной Армией. По его мнению, наличие сильной промышленной базы на Урале позволило бы Советскому Союзу продолжать активное сопротивление, искусно используя имеющиеся и вновь созданные коммуникации. В последующих спорах с главным командованием сухопутных войск (ОКХ) о ведении операций на Востоке эти соображения Э. Кестринга заняли определенное место в аргументации А. Гитлера и руководителей ОКВ.

В начале сентября на первого обер-квартирмейстера и постоянного заместителя начальника генерального штаба генерал-майора Ф. Паулюса была возложена задача, основываясь на плане Э. Маркса, разработать план группировки войск для войны против Советского Союза и порядок их стратегического сосредоточения и развертывания, который он изложил в докладной записке от 29 октября. На ее основе оперативный отдел генерального штаба составил проект директивы по стратегическому сосредоточению и развертыванию «Ост». Независимо от генерального штаба сухопутных войск в штабе оперативного руководства ОКВ с начала сентября велась работа по составлению собственного плана войны против СССР. Его идеи существенно отличались от планов ОКХ.

⁷ Weinberg G. Hitlers Entschluss zum Angriff auf die Sowjetunion // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 1957. H. 4. S. 309.

В ноябре – декабре генеральный штаб сухопутных войск продолжал уточнение и отработку на штабных учениях главных стратегических направлений, распределения сил и средств для наступления, а также согласовывал результаты этой работы со штабом ОКВ и А. Гитлером. «Изучение всех этих вопросов, – писал генерал А. Филиппи, – подтвердило, прежде всего, мнение, что в ходе операций на все более расширяющейся, подобно воронке, к востоку территории не хватит немецких сил, если не удастся решающим образом сломить силу русского сопротивления до линии Киев – Минск – Чудское озеро»⁸.

5 декабря начальник генерального штаба генерал Ф. Гальдер изложил в присутствии А. Гитлера основы планируемой военной кампании. Теперь уже окончательно вырисовывались три стратегических направления – ленинградское, московское и киевское. Главный удар Ф. Гальдер предлагал нанести севернее Припятской области из района Варшавы на Москву. Проведение операций намечалось силами 105 пехотных, 32 танковых и моторизованных дивизий. Кроме того, предусматривалось использование вооруженных сил Румынии и Финляндии. Для сосредоточения и развертывания этих сил Ф. Гальдер считал необходимым восемь недель. Он указал, что с первых чисел апреля или самое позднее с середины этого месяца скрыть от Советского Союза подготовку Германии к войне станет уже невозможно.

Гитлер, одобрив в принципе этот план, заметил, что последующая задача состоит в том, чтобы после раскола советского фронта в центре и выхода к Днепру на московском направлении осуществить поворот части сил главной центральной группировки на север и разгромить во взаимодействии с северной группировкой советские войска в Прибалтике⁹. Наряду с этим он предлагал в качестве первостепенной задачи разгром всей южной группировки советских войск на Украине. Только после выполнения этих стратегических задач на флангах фронта, в результате чего Советский Союз оказался бы изолированным от Балтийского и Черного морей и лишился бы важнейших экономических районов, он считал возможным приступить к взятию Москвы.

Таким образом, еще в ходе планирования войны против СССР в германском командовании выявились разные подходы к решению важнейших стратегических задач. Первую линию (концепция «концентрического наступления» на Москву) представлял генеральный штаб сухопутных войск, вторую (наступление по расходящимся направлениям, которой придерживался и А. Гитлер) – штаб ОКВ.

Для А. Гитлера решающее значение имел захват сырьевых и продовольственных ресурсов Советского Союза. Вероятно, во многом его убедил в этом и Г. Геринг. В качестве председателя совета министров

⁸ *Philippi A., Heim F. Der Feldzug gegen Sowjetrußland 1941 bis 1945. Stuttgart. 1962.*

⁹ КТВ ОКВ. Bd.I. S. 982.

по «обороне» империи он потребовал в ноябре 1940 г. от начальника военно-экономического управления штаба ОКВ генерала Г. Томаса составить для него доклад, в котором выдвигалось бы требование «захватить неразрушенными ценные русские экономические районы на Украине и нефтяные источники Кавказа» в связи с обострением продовольственного положения Третьего рейха¹⁰.

Так или иначе, мнение штаба ОКВ возобладало и нашло отражение в окончательной директиве №21 ОКВ, подписанной А. Гитлером 18 декабря и получившей кодовое наименование «Барбаросса», которое как бы придавало войне символический смысл крестового похода.

В директиве говорилось, что после расщепления советского фронта в Белоруссии основной немецкой группировкой, наступающей из района Варшавы, создадутся «предпосылки для поворота мощных частей подвижных войск на север с тем, чтобы во взаимодействии с северной группой армий, наступающей из Восточной Пруссии в общем направлении на Ленинград, уничтожить силы противника, действующие в Прибалтике. Лишь после выполнения этой неотложной задачи, за которой должен последовать захват Ленинграда и Кронштадта, следует приступить к операциям по взятию Москвы – важного центра коммуникаций и военной промышленности»¹¹. На юге планировалось «своевременно занять важный в военном и экономическом отношении Донецкий бассейн».

17 декабря А. Гитлер в беседе с А. Йодлем по плану «Барбаросса» особо подчеркнул, что в 1941 г. вермахт должен решить «все континентальные проблемы в Европе, так как после 1942 г. США будут в состоянии вступить в войну»¹². Директива №21 требовала закончить подготовку к нему 15 мая 1941 г.

Многие бывшие генералы вермахта и военные историки ФРГ пытались выдать решение А. Гитлера наступать на Москву только после разгрома советских войск в Прибалтике и на Украине за основной и единственный порок плана «Барбаросса». Они называли это решение «несовместимым с оперативными требованиями». Но нельзя сводить порочность плана «Барбаросса» только к захвату Москвы. Главное здесь заключается в том, что он переоценил силы вермахта, а потому оказался авантюристичным и порочным в основе. На совещании Ф. Гальдера с командующим армией резерва генералом Ф. Фроммом 28 января 1941 г. было установлено, что подготовленных людских резервов для восполнения потерь в войне против СССР хватит лишь до осени 1941 г., а снабжение горючим вызывает серьезные опасения.

Войска совершенно не готовились к ведению действий в зимних условиях. Когда ОКХ представило в ОКВ соображения об обеспече-

¹⁰ *Philippi A., Heim F.* Op. cit. S. 43.

¹¹ *Hitlers Weisungen für die Kriegführung 1939–1945.* S. 86.

¹² *КТВ ОКВ. Bd. I.* S. 996.

нии армии зимним обмундированием, А. Гитлер отклонил их на том основании, что «Восточный поход» должен закончиться до наступления зимы. Эти зловещие факты не получили правильной оценки со стороны германского генералитета. На совещании командующих группами армий и армиями у Ф. Гальдера 14 декабря 1940 г., где подводились итоги штабных игр по плану нападения на Советский Союз, был сделан единодушный вывод, что Красная Армия будет разбита в скоротечной кампании, которая займет не более 8–10 недель¹³.

Развертывание сил вермахта и провал блицкрига в 1941 г.

31 января ОКХ отдало на основе плана «Барбаросса» директиву по стратегическому сосредоточению и развертыванию. Для ведения операций создавались три группы армий: «Север», «Центр» и «Юг». Перед ними была поставлена задача расцечь глубокими танковыми клиньями главные силы Красной Армии, находившиеся в западной части Советского Союза, и уничтожить их, воспрепятствовав отходу боеспособных войск в «глубину русского пространства».

Для выполнения плана «Барбаросса» были развернуты громадные вооруженные силы. К июню 1941 г. они насчитывали в целом 7 234 тыс. человек¹⁴. Из них в сухопутных войсках и армии резерва было 5 млн, в ВВС – 1 680 тыс., в ВМС – 404 тыс., в войсках СС – 150 тыс. человек. К моменту нападения на СССР сухопутные войска насчитывали 209 дивизий. Из них для выполнения плана «Барбаросса» были выделены 152 дивизии и две бригады. Кроме того, страны – сателлиты Германии выставили против СССР 29 дивизий (16 финских, 13 румынских) и 16 бригад (3 финские, 9 румынских и 4 венгерские), в которых числилось в общей сложности 900 тыс. солдат и офицеров.

Основные силы были сосредоточены в группе армий «Центр», которая имела задачу расколоть советский фронт стратегической обороны. Главная ставка делалась на сокрушающую мощь внезапного удара массированными силами танков, пехоты и авиации и на их молниеносный бросок к важнейшим центрам Советского Союза при поддержке четырех воздушных флотов. Кроме того, сателлиты Германии выставили против Красной Армии около 1 тыс. самолетов.

Для скрытия подготовки нападения на Советский Союз В. Кейтель издал 15 февраля 1941 г. специальную директиву по дезинформации противника. Когда скрыть подготовку станет уже невозможно, стратегическое развертывание сил для операции «Барбаросса» должно было быть представлено в свете величайшего в истории войн дезин-

¹³ Blau G. The German Campaign in Russia. Planning and Operations (1940–1942). Wash. 1955. P. 20.

¹⁴ КТВ ОКВ. Bd. I. S. 97E.

формационного маневра с целью «отвлечения внимания от последних приготовлений к вторжению в Англию».

30 апреля срок нападения на Советский Союз был перенесен с 15 мая на 22 июня в связи с операцией по захвату Балкан. К этому времени большая часть войск, участвовавших в овладении Югославией и Грецией, была переброшена в район действий «Барбаросса». Развернутая против СССР группировка противника намного превосходила противостоявшие ей силы Красной Армии. На 21 июня в советских западных округах насчитывалось 2,9 млн человек в составе всех видов вооруженных сил и родов войск¹⁵. Против них было выставлено в одних сухопутных войсках Германии (с учетом армий сателлитов) около 4,2 млн человек. К моменту нападения на Советский Союз А. Гитлер располагал громадными военно-политическими и экономическими преимуществами. Вся Западная, Северная и Южная Европа, за исключением Англии, с ее экономическими и людскими ресурсами лежала у его ног.

В результате заключения с А. Гитлером пакта о ненападении в августе 1939 г. И. Сталин поставил Советский Союз вплоть до 22 июня 1941 г. в положение полной международной изоляции. С этим были связаны и другие ошибки и просчеты, сыгравшие роковую роль в судьбе советского народа. Пакт позволил А. Гитлеру обрушить удар вермахта против Франции, не опасаясь за свой тыл на Востоке и вести войну только на одном фронте. После разгрома Германией Франции в мае – июне 1940 г. советская политика должна была сделать все возможное, чтобы решительно пойти на сближение с Англией и США и заключить с ними союз, противопоставленный державам «Оси». Для этого имелись все необходимые условия. Однако И. Сталин предпочел дальнейшее сотрудничество с А. Гитлером, причем, несмотря на получаемую по различным каналам (от У. Черчилля, Э. Бенеша, собственной разведки) достоверную информацию о подготовке А. Гитлера к войне с СССР.

И. Сталин полностью игнорировал эти предупреждения, он отмахивался от них. А в высших военных и государственных структурах не было ни одного человека, который нашел бы в себе мужество обрисовать перед ним реальное положение вещей и смертельную опасность, нависшую над страной. 14 июня 1941 г., за неделю до начала нацистской агрессии, ТАСС опубликовал в центральных органах печати особое заявление, в котором по уполномочию советского правительства извещалось, что слухи о якобы готовящемся нападении Германии на Советский Союз лишены оснований. Это заявление, дезориентировавшее народ и армию, дорого обошлось стране. Вооруженные силы страны не были своевременно приведены в состояние боеготовности. За дилетантизм и роковые ошибки И. Сталина советскому народу пришлось расплачиваться кровью.

¹⁵ Военно-исторический журнал. 1966. №6. С. 10.

Немецким войскам удалось до конца 1941 г. выйти вплотную к Ленинграду и Москве, захватить почти всю Украину. Но на этом все политические, стратегические и экономические расчеты А. Гитлера и его генералов, основанные на «молниеносной войне» по плану «Барбаросса», рухнули. Советский народ, государственные органы и военное командование сумели быстро оправиться от первых тяжелых поражений и в упорных боях остановить наступление вермахта. Еще в середине октября А. Гитлер говорил своим приближенным: «22 июня мы распахнули дверь, не зная, что за ней находится»¹⁶.

Декабрьское контрнаступление Красной Армии впервые с начала Второй мировой войны заставило германское командование перейти к стратегической обороне по приказу ставки А. Гитлера от 8 декабря 1941 г. Перед Германией возникла перспектива затяжной войны, в которой у нее не было никаких шансов на победу.

Пакт Молотова–Риббентропа как бы открыл путь А. Гитлеру для наступления на Восток. Но после 22 июня 1941 г. случилось совершенно непостижимое. Германия оказалась неспособной одержать победу только на одном советско-германском фронте! До высадки западных союзников в Нормандии в 1944 г. вермахт в единоборстве с Советской Армией потерпел сокрушительное поражение. Судьба Второй мировой войны и фашистской Германии была решена на полях сражений в Советском Союзе.

* * *

Из истории «европейской смуты» минувшего века напрашивается и общий вывод, актуальный и для наших дней: по глупости политиков европейских держав, болевших синдромом господства и междоусобной борьбы, Европа стала полем брани трех мировых войн – двух «горячих» и одной «холодной». В результате рокового ослабления в них материального и духовного потенциала она проиграла XX в. заморской державе – США. Находясь за океаном и не испытывая воздействия войн на собственную территорию, США извлекли из противоборства европейских держав громадные геополитические выгоды. В конце концов, это позволило им установить господство над Европейским континентом и создать «рах Americana» – американский однополярный мир. Но всякому господству приходит конец. Это происходит ныне и с американской гегемонией¹⁷.

¹⁶ Hitler`s secret Conversations 1941–1944. N.-Y. 1953. P. 59.

¹⁷ См., например: *Брутенц К. Н.* Закат американской гегемонии. М.: Междунар. отнош., 2009.